I.Yu. K o t i n. The South-Asian Element in Ethnic Mosaic of Multi-Cultural Canada

The South-Asian population of Canada is an important and dynamically growing element of its multicultural mosaic. The study, conducted in Canada in October 2001, reveals the dynamics of immigration from the Indian subcontinent, settlement and cultural integration of South Asian immigrants into Canadian society.

The first immigrants from India came to Canada as workers on the Canadian-Pacific Railway and taken part in the formation of the Canadian Federation. As subjects of the British Empire, they expected warm welcome in Canada, but already on early stages had met with racial prejudice in the host society. The Vancouver riots of 1907, the ban on East-Indian immigration of 1908, and «Komagatamaru» tragedy of 1913 are cited as examples. The low immigration period of 1914–1951 and the period of slow immigration increase of 1952–1967 led to the removal of racial and religious immigration barriers in 1967. Three main groups of the South Asian population (Sikhs, Hindus, and Muslims) within the two areas of their predominant settlement in Canada (Greater Vancouver and Toronto) are discussed in detail.

© 2002 г., ЭО, № 6

Э.Г. А л е к с а н д р е н к о в

«ORINOCO ILUSTRADO» МИССИОНЕРА ГУМИЛЬИ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Колониальный период истории Америки предоставляет современным этнографам обширные возможности для изучения. Это было время интенсивных взаимодействий людей, стоявших на совершенно разных ступенях развития общественных отношений, хозяйства и материальной культуры и различавшихся по своей языковой, этнической и расовой принадлежности. Вероятно, нигде в мире взаимоотношения таких разнородных масс населения не были в то время столь интенсивными, как в Америке. Для этнографии интересны как сам процесс подобного рода взаимодействия, так и его результаты. Именно событиями колониального времени можно объяснить многие особенности не только последующей этнической истории, но и нынешней этнической картины Америки, культуры отдельных стран и местностей, специфику социальных отношений.

Понятно, что наше представление о явлениях, имевших место в тот период, зависит от знания и понимания современных им источников. Этнограф, обращающийся к колониальному периоду истории Америки, может пользоваться разными видами источников.

В связи с 500-летием первого плавания Колумба в 1492 г. в Америке получила развитие колониальная археология. Этнографу она не только предоставляет данные, касающиеся хозяйства и материальной культуры, но в некоторых случаях (при комбинированном использовании археологических и исторических свидетельств) позволяет судить более полно даже о таком трудноуловимом на археологических материалах явлении как соотношение этнического происхождения определенных слоев населения с их материальной культурой[1].

Кое-какие сведения о колониальном периоде, как правило, сильно трансформированные, сохранила устная традиция коренных обитателей Америки. В некоторых случаях индейцы, овладевшие испанской грамотой, записали на испанском языке не только мифы, легенды, но и древние истории, а также события раннего колониального времени. Есть и индейские источники раннего колониального периода, составленные с помощью латинского алфавита на индейских языках. В определенной мере для изучения колониального периода могут быть использованы и памятники индейской письменности, активно изучаемые в последние годы.

Однако более всего разнообразных письменных свидетельств, которые могут служить источником этнографического изучения населения американских колоний, оставили сами колонизаторы. Все их можно классифицировать по разным признакам, в зависимости от целей изучения. Источники можно группировать в зависимости от формы документов либо по их содержанию. Известный российский американист Р.В. Кинжалов делил испанские источники по Гватемале следующим образом: отчеты завоевателей, сочинения первых хронистов, различные официальные документы[2]. Бывает необходимо рассматривать их по географическому принципу или в хронологическом порядке, чтобы уловить, в частности, последовательность этнических и культурных трансформаций, отраженных в источниках, и т.д.[3]

В особую группу нередко выделяют литературу, оставленную миссионерами Америки. Она поистине безгранична. Это всякого рода «сообщения» (Relaciones или Informes) или «известия» (Noticias) о миссиях, а также разные «визиты» (Visitas) или «истории» (Historias) отдельных областей, где проповедовали члены того или иного ордена.

Первым миссионерским описанием коренных жителей Америки является сообщение монаха Р. Пане, или Панэ (R. Pane) о религиозных верованиях индейцев Гаити[4]. В самом конце XV в., т. е. в начале испанской колонизации, этот монах несколько лет находился среди индейцев острова и изучил их язык. Его сообщение стало не только первым, но и единственным достаточно полным описанием мировоззрения обитателей Гаити до прихода европейцев.

С течением времени расширилась география контактов миссионеров с аборигенами. Если в конце XV – первой половине XVI в. европейцы сталкивались преимущественно с прибрежными народами и с носителями высоких культур, то в XVII–XVIII вв. миссионеры проникли во многие внутренние районы, удаленные от древних центров цивилизации, обитатели которых по культуре и общественному устройству отличались от создателей цивилизаций центральных Анд, мексиканского плоскогорья и равнин Юкатана. Миссионеры иногда подолгу находились в контакте с коренными жителями, дотоле не затронутыми влияниями европейцев или их потомков, и могли наблюдать явления культуры, утраченные ими позже. Зная языки, они могли глубже проникнуть во внутренний мир аборигена, чем путешественники или чиновники. Нередко в их поле зрения оказывались группы индейцев, затем исчезнувшие. При описании индейцев миссионеры использовали как собственные впечатления от контактов с ними, так и знания, почерпнутые из бесед с другими миссионерами, чиновниками и местными испанцами; нередко включались и сведения из уже опубликованных работ. Сложился определенный состав тем, да и порядок представления аборигенов читателю – описывались их физический облик, быт и утварь, жилища, а также празднества (игры и танцы), браки, похоронные обряды, «суеверия» и «колдовство», (т. е. религиозные воззрения и практика). Как правило, значительное внимание уделялось местному языку: он сравнивался с другими, выявлялась степень их родства или указывалось на непонимание. Именно из-под пера миссионера, иезуита Л. Эрваса (Lorenzo Hervas y Panduro) появилась в конце XVIII в. первая классификация индейских языков.

Для истории этнографии не менее важно изучить, как всякого рода культурные, социальные и этнические трансформации осмысливались их современниками. Ведь в XVI–XVIII вв. не только накапливался богатейший первичный материал об обитателях Америки – как, поначалу, коренных жителей, так, позже, пришельцев и их потомков, вошедший затем в общее этнографическое достояние. На протяжении более 300 лет до появления собственно этнографии как самостоятельной науки имели место разнообразные интерпретации американской действительности, при этом некоторые авторы начиная с XVI в. поднимались до больших высот обобщения.

Пожалуй, особое место в доэтнографический период в осмыслении увиденного в Америке, в выявлении места ее коренных жителей среди обитателей остального мира занимает Б. де Лас Касас (1474–1566). Он известен прежде всего как страстный «защитник индейцев» от испанских конкистадоров[5]. Кроме того, он автор двух

фундаментальных работ об Америке[6]. В одной из них – «Истории Индий» описывалось завоевание Америки испанцами, приводились также сведения о тех народах, с которыми сталкивались конкистадоры. В другой – «Апологетической истории» последовательно проводилось сравнение индейцев Америки с обитателями Старого Света. Лас Касас, таким образом, на 200 лет опередил французского иезуита Ж.Ф. Лафито (1670–1740), опубликовавшего в 1724 г. книгу «Нравы американских дикарей в сравнении с нравами первых времен», часто цитируемую историками этнографии в отличие от «Апологетической истории» Лас Касаса, которая полностью была опубликована лишь в начале XX в.

Лас Касас, опираясь на идеи Аристотеля, утверждал, что индейцы в физическом отношении и в своей деятельности не были ниже известных народов древности. Более того, он полагал, что в некоторых аспектах первые даже превосходили вторых. В этой связи он высказал поразительное для христианина того времени мнение относительно человеческих жертвоприношений, известных некоторым народам Америки и всегда осуждавшихся христианской церковью. Лас Касас полагал, что посты индейцев, их самоистязания и принесение в жертву животных и людей свидетельствовали о том, что индейцев следовало считать более религиозными, чем обитателей Старого Света. Лас Касас постоянно проводил мысль о том, что индейцы не менее разумны, чем египтяне, римляне и греки, что они не много уступают испанцам, а в некоторых случаях и превосходят последних. А вот каковы его общие представления о людях, характерные для эпохи Возрождения: «Все народы (naciones) мира являются людьми... все имеют понимание и волю...»[7].

С начала XX в. существует тенденция называть некоторых авторов колониального периода этнографами (этнологами, антропологами) и оценивать их сочинения не только с учетом конкретных материалов, могущих представлять определенный интерес для нынешней этнографии, но и с точки зрения интерпретации представленных сведений. В наиболее общей форме такое отношение к ранним описаниям Америки выразил мексиканский этнограф А. Палерм: «Современная антропология возникает из этого усилия понять и объяснить Новый Свет. Можно сказать, следовательно, что Америка и антропология рождаются в одно время»[8]. Есть, правда, и прямо противоположное, хотя реже высказываемое и, очевидно, менее справедливое, мнение относительно литературы, оставленной путешественниками и миссионерами: «...Ни по своему содержанию, ни по своей форме эта предэтнологическая литература отнюдь не способствует появлению новой науки»[9].

Взгляды Лас Касаса не стали общепринятыми в колониальном обществе. Более того, уже в XVIII в., т.е. в век Просвещения, появлялись произведения миссионеров, в которых общая оценка аборигенов Америки была очень далека от той, что дал им Лас Касас. Тем не менее они содержали добротные описания отдельных народов или отдельных явлений культуры какого-либо народа. К такого рода работам относится книга, в которой описана конкретная, хотя и обширная область Америки – бассейн нижнего и среднего течения Ориноко. Ее автором был иезуит Хосе Гумилья.

О творчестве Гумильи имеется большая литература, в которой особое место занимают работы испанского историка Д. Рамоса Переса[10]. Хосе Гумилья родился в Валенсии в 1687 или 1688 г. В 1705 г., будучи студентом философии первого года обучения, он отправился с группой иезуитов в Новое королевство Гранада и 10 лет провел в Боготе, завершая образование. В 1715 г. он начал миссионерскую деятельность среди обитателей отрогов Восточной Кордильеры, а в 1731 г. предпринял большое путешествие в район Ориноко, где находился до 1737 г. В 1739 г. Гумилья посетил Испанию, а в 1743 г. снова побывал на Ориноко. Он занимал высокие посты в миссионерской иерархии – в 1726 г. был назначен суперриором всех провинций Льянос, одно время возглавлял иезуитский колледж в Картахене. Умер в 1750 г.

Первый вариант книги Гумильи – «Ориноко просвещенное (Orinoco ilustrado). Естественная, гражданская и географическая история этой великой реки и ее полноводных притоков: правление, обычаи и нравы индейцев...» был опубликован в Испании

в 1741 г. Во втором прижизненном издании (1745 г.) Ориноко получило еще один эпитет – «защищенное» (defendido). Под таким названием – «Orinoco ilustrado y defendido» – эта книга известна сейчас; она неоднократно переиздавалась в XVIII–XX вв.[11]

Упоминавшийся выше историк Д. Рамос Перес наметил несколько этапов в оценке книги Гумильи. Поначалу вплоть до конца XVIII в. она вызывала восхищение современников, затем ее стали оценивать критически, в частности А. Гумбольдт. И работа Гумильи была почти забыта до конца XIX в., когда историки и этнографы Венесуэлы и Колумбии вновь заинтересовались ею. Рамос связывал новое обращение к книге указанного автора с поисками в этих странах истоков национальной самобытности. Уже в XX в. Гумилья был назван этнографом[12].

Какие цели ставил перед собой Гумилья при написании книги? Его биографы считали, и не без основания, что одной из главных задач написания книги было стремление способствовать защите Ориноко и его правобережья, называемого тогда Гвианой, от посягательств других европейских держав, прежде всего Англии и Голландии и в меньшей мере Португалии (об этом, собственно, и говорит название книги).

В «Прологе» Гумилья отметил, что «новизна» американских людей, какой бы странной она не выглядела и необычной не считалась, на самом деле была очень древней и, по его словам, «имела много седины в нашем древнем мире». В связи с этим автор усматривал варварство не только у скифов, но и у египтян, афинян и римлян. Как он писал, и «в нашем избранном народе» (т.е. у испанцев) много заноз порока. Поэтому не стоит удивляться ошибкам, бреду, слепости и варварским обычаям, о которых он собирается повествовать[13] (далее в статье будут указываться страницы издания Гумильи 1963 г.).

В работе Гумильи представлена естественная, гражданская и географическая история Ориноко, которая включала «страны, народы (naciones), животных и растения, почти совсем неизвестные до наших дней» (с. 37). Обращает на себя внимание, что автор адресовал свою книгу ученым и любознательным людям не только Европы, но и Америки (с. 40).

Гумилья начал свое повествование с описания земель, прилежащих к устью Ориноко, самой реки, климата тех мест и прочего и продолжал его, мысленно следуя вверх по течению. Судя по прилагаемой карте, Гумилья имел достаточно точные сведения о нижнем и среднем течении этой реки и соответствующих притоках. Но по мере удаления от хорошо ему известного, изображение рек на карте становилось все короче (в сравнении с их реальным протяжением). Гумилья представлял себе Ориноко текущей с запада на восток на всем ее протяжении. При этом на его карте бассейн этой реки был отгорожен на юге от бассейна Амазонки горами, также простиравшимися в западно-восточном направлении. Географии и природе отведены первые четыре главы первой части книги; в них содержатся и некоторые данные о местных жителях.

Пятая глава названа «Об индейцах вообще и о тех, что живут на землях Ориноко, в частности». Как и многие авторы, писавшие об Америке, Гумилья касался вопроса происхождения аборигенов Америки. Он полагал, что они произошли от негров, потомков Ханаана, приводя в качестве доказательства наличие пьянства среди индейцев и подобие обрезания у некоторых их групп (с. 87–88, 111–113 и др.).

Гумилья дал классификацию коренных обитателей Америки, носившую в определенной мере историко-культурный характер. Он делил их на три, по его словам, «очень различных между собой состояния». Первое было свойственно обитателям Америки, по его выражению, до инков и Монтесумы. Второе – индейцам, находившимся под властью инкских и мексиканских правителей. Это «состояние» народов Америки Гумилья сравнивал с тем этапом в истории Старого Света, когда мидийцы, персы, египтяне, греки и римляне «привели», как он писал, к гражданской жизни большую часть «некультурных народов» в Старом Свете. Третье «состояние» было

присуще «спасенным» индейцам, т. е. тем, кто был завоеван христианами-испанцами (с. 81).

Общая характеристика коренного обитателя Ориноко у Гумильи была весьма негативной: «Индеец вообще... определенно человек; но отсутствие воспитания так обезобразило его разум, что в моральном смысле я отваживаюсь сказать, что варварский и лесной индеец – чудовище, никогда не виданное, у которого голова незнания, сердце неблагодарное, грудь непостоянства, плечи лени, ноги страха, а его живот для питья и склонность к опьянению – две пропасти без дна» (с. 103).

Целая глава (шестая) посвящена происхождению оринокских народов. Так же негативно Гумилья оценил возможности индейцев воссоздавать свою историю: «Вызывают смех и сострадание одновременно те несуразицы, что сообщают о своем происхождении народы, которые среди остальных считаются понятливыми... Большинство тех людей не знают, что сказать, когда их спрашивают об их предках, не поднимают своих мыслей выше пальца от земли...» (с. 107). Одни группы *салива* (salivas) утверждали, что они – дети земли, другие говорили, что произошли от плодов какого-то дерева, а третьи – что от солнца. *Ачагуа* (achaguas) же считали, что карибы – потомки тигров. *Отомаки* (otomacos) показались Гумилье «абстракцией и квинтэссенцией самого варварства, самые варварские из всех варваров Ориноко», может быть, потому, что они считали, что их предками были скалы.

Среди оринокских народов Гумилья по сообразительности выделял ачагуа, но и они, на его взгляд, «не выдумали лучшего происхождения»: одни считали себя детьми деревьев, другие выводили свой род от реки. Наибольшее впечатление на Гумилью, как, видимо, и на других европейцев начиная с Колумба, произвели карибы, прежде всего своим независимым поведением. Именно Гумилья зафиксировал фразу карибов, иногда цитируемую в этнографической литературе для доказательства существования в доклассовых обществах своего рода этноцентризма. На вопрос о том, откуда вышли их предки, карибы будто бы отвечали: «Только мы люди (ana carina rote). Все остальные люди – наши рабы» (с. 108–110).

Одну главу, седьмую, Гумилья отвел описанию раскраски и татуировки тела и украшениям у разных народов Ориноко. Он, в частности, подчеркивал, что головные уборы из перьев индейцы не снимали ни при работе на огородах, ни будучи за веслами, ни при игре в мяч. Там же есть сведения о формах искусственной деформации тела, практиковавшейся некоторыми группами индейцев.

Оценку Гумильей общественных отношений индейцев Ориноко можно предвидеть по названию восьмой главы – «Об их гражданском и домашнем направлении и никаком воспитании, что они дают детям». Сравнение с миром живой природы – не в пользу индейцев: «любой муравейник из тех, что я наблюдал на тех землях... управляется с большим порядком и режимом, чем любой из многих народов, с которыми я имел дело» (с. 122). А вот общее заключение: «нет ни правления, ни порядка, ни согласия в тех домах; нет подчинения детей родителям; им не дают ни малейшего воспитания, потому что они не умеют воспитывать и им нечему обучать» (с. 124).

Для обозначения индейских коллективов он употреблял испанские слова «parcialidad» (обычно трактуется современными исследователями как «фратрия»), «capitania» («капитания», т.е. группа под главенством вождя, называемого испанским словом «capitan», как правило, «военный предводитель»), «nacion» («нация», «народ»), «Tribu» («племя») Гумильей, как и другими испанскими авторами, использовалось редко).

Если в общей оценке аборигена Америки или Ориноко Гумилья не был оригинален, не дал ничего нового в сравнении с предшественниками и современниками, то сведения о конкретных народах у него иногда просто поразительны благодаря подмеченным деталям.

Несколько глав отведены описанию отдельных народов – также начиная от устья Ориноко вверх по ее течению до впадения в нее Гуавьяре. В них не только тщательно описаны некоторые из хозяйственных занятий и обычаев, но и оценена их

значимость в жизни аборигенов. Так, у *уарао* (guarau, nación guarauna) дельты Ориноко (неземледельческий народ) Гумилья сумел рассмотреть важность в их жизни пальмы мориче: «Кроме рыбы, которая у них в изобилии, вся их жизнь, пища, их одежда (a su modo), хлеб, овощи, дома, их приспособления и принадлежности для лодок и рыбной ловли, и разные товары, которыми они торгуют, – все это происходит из пальм, что бог им дал на тех островах в невиданном обилии...». Из ствола «получают доски для пола своих домов, улиц и площади; и стены их домов делают из тех же досок; из брусьев (rajas) делают остов для кровель; кровли от дождей и жгучего солнца плетут из зрелых листьев; веревки, шнуры и перевязи, которыми они соединяют всё, что строят, вьют из подобия пеньки, получаемой из листьев той же пальмы; переднички женщин и гуаюко (guayucos – футляры для пенисов) мужчин...; сети или неводы, в которых они спят, и весь этот материал – из пеньки, что они получают из молодых листьев; шнуры, веревки, канаты и другие приспособления для рыбной ловли – всё делается из названной пальмы».

Из той же пальмы получали питье, которое, если закисало, служило приправой к рыбе. Из сердцевины пальмы делали муку для хлеба, плоды употребляли как в пищу, так и для утоления жажды. Поедали и пальмовых червей. Во времена Гумильи гуарао насчитывали от 5 до 6 тыс. чел. («голов», по его выражению) (с. 130–136).

«Поднимаясь» по Ориноко, Гумилья привел некоторые сведения о других народах (глава десятая), обитавших на этой реке: *араваках* (aruacas), *гуайана* (guayanas), *гуайкери* (guayquiries). У араваков он упомянул шаманскую практику. Гуайана были охарактеризованы как очень воинственные в начале колонизации; они ожесточенно сопротивлялись испанцам, в отличие от *араваков*, которые не только всегда были дружественны испанцам, но и помогали им в борьбе против карибов. Гумилья запечатлел избирательное отношение карибов к прочим индейцам Ориноко – они всех других старались пленить и продать европейцам (иностранцам, по Гумилье, т.е. не испанцам) – всех, за исключением *кирикирипа* (quiriquiripas), от которых они получали тонко тканные гамаки или покрывала.

У гуайкери его внимание привлекли свадебные обряды, для описания которых, по его словам, понадобилось бы много листов бумаги. Подготовка к свадьбе включала 40-дневный пост девушек. За несколько дней до нее начинали раскрашивать и украшать тела перьями (при помощи клея). Утром в день свадьбы из леса появлялись музыканты с флейтами и небольшими барабанами (timbaletes) и обходили дома невест. Одна из старых женщин приносила пищу злому духу (демону, по Гумильи). После этого танцоры надевали на головы венки из цветов, в левую руку брали букет, а в правую – погремушку (sonajas) и, танцуя, опять отправлялись к домам невест, где их ожидала другая группа танцоров, убранных иначе, с большими флейтами. В танце принимали участие и женихи, украшенные особыми перьями; они могли хорошо прыгать, ибо, как заметил Гумилья, не постились. Каждую невесту сопровождали две старухи, которые шли по обе стороны от нее и причитали. Гумилья привел содержание нескольких причитаний (вот одно из них: «Ах, дочь моя, если бы ты знала, как болезненны роды, ты бы не вышла замуж»). «И таким образом, мужчины, танцуя, старухи, плача, и невесты, ошеломленные, делают большой круг по селению; и когда подойдут к дому, начинается обед, приготовленный из черепах, рыбы и др. Тогда входят мальчики и, взяв флейты, погремушки и все что есть, производят еще больше шума, чем взрослые» (с. 140–142).

Одиннадцатая и двенадцатая главы отведены описанию отомаков и *гуамов* (guamos). Последние казались миссионеру самыми бесстыдными из всех народов, которые он видел от устья Ориноко до Апуре. По словам Гумилья, гуамы во время празднеств при употреблении хмельных напитков царапают себе виски и лоб, вызывая кровотечение, чтобы, как он выразился, избежать перегрева крови. Но он отметил и ритуальную сторону кровопускания, когда предводитель смазывал своей кровью грудь всех больных, бывших под его властью (sujetos a su bastón, по словам Гумильи). Сходно поступали и матери заболевших младенцев: они протыкали костяным ланцетом

свой язык, и этой кровью каждое утро смазывали ребенка, «пока не выздоровеет или умрет» (с. 142–144).

У отомаков Гумилья отметил «некоторое подобие политического правления на их лад», имея в виду, что все подчинялись единому порядку занятий. В этом он усмотрел их отличие от других народов Ориноко. Достаточно подробно описал Гумилья игру в мяч у отомаков. Игра проходила на специально подготовленной площадке рядом с селением. Играли двумя командами по 12 человек на интерес (корзинки с кукурузой, бусы и пр.). Мяч изготовлялся из каучука и был, по мнению Гумильи, большим. Подача и отбивание мяча осуществлялись только правым плечом (от постоянной игры на нем образовывалась сухая мозоль). Гумилью восхищала та ловкость, с какой отомаки бросались за низкими мячами и отбивали их вверх. После полудня в игру вступали жены, становясь рядом с мужьями (тогда число игроков увеличивалось вдвое). Женщины играли специальной битой, которую держали двумя руками. Их удары получались настолько сильными, что мужчины не отваживались подставлять плечи, и мяч разрешалось отбивать спиной. Гумилья отметил, что игра проходила организованно, каждый сохранял свое место, и не брал мяч, летящий к другому человеку. Играли молча. Сильно разогревшись (игра проходила при дневном солнце), отомаки, не прерывая игры, прибегали к кровопусканию, пронзая мышцы ног и рук специальными остриями. Гумилья описал также танцы отомаков (без музыкальных инструментов, но с разнообразным голосовым сопровождением), ритуальное вдыхание галлюциногена.

Сообщая о возделывании отомаками посевов маиса в лагунах Ориноко, Гумилья отметил, что они могли делать хлеб и крахмал из всех плодов и корней, даже из тех, которые другие группы индейцев считали горькими и малопригодными (poco saludables) (с. 152). Едва ли в данном случае речь шла о горькой маниоке, так как изготовлявшийся из нее хлеб *касабе* был хорошо известен Гумилье. Будучи земледельцами, отомаки являлись также, по определению автора, великими рыбаками, с которыми могли соперничать только гуарао.

Одна из глав (тринадцатая) была отведена описанию индейцев *салива* (salivas, nacion saliva). Они казались автору наиболее прилежными в работе. Гумилья отметил, что салива нравилось иметь хорошее оружие, но им не хватало духа воспользоваться им, поэтому они подчинились карибам, и в конечном счете от большого народа осталось 5–6 поселений. У салива миссионер обратил внимание на ритуал хлестания молодых людей стариками перед началом работ на участках. Салива бывали недовольны рождением близнецов и младенца, появившегося первым, иногда зарывали.

Наиболее примечательным явлением Гумилье показались похороны у салива знатного человека (в данном случае – брата вождя). В преддверии похорон одни занимались украшением усыпальницы, находившейся посреди хижины усопшего, другие – ловлей рыбы и черепах, женщины готовили *чичу* (хмельной напиток из кукурузы). Родственники умершего оповещали другие деревни о дне похорон. Усыпальница (sepulcro или tumulo), видимо, представляла собой платформу, на которой лежало тело. Она была закрыта циновками (celosias), раскрашенными в разные цвета. На четырех углах и в середине усыпальницы были шесть колонн, хорошо обработанных (bien torneadas). Две из них увенчивались коронами, две – птицами, две – плачущими лицами с глазами, прикрытыми руками. Все было сделано хорошо и даже лучше, добавлял Гумилья, чем можно было ожидать.

Церемония длилась два дня. Гумилья подробно описал прощание с покойником, которое включало плач, питье хмельного напитка и танцы. После прихода последних из приглашенных, зазвучало необычно много музыкальных инструментов (они были трех видов), которых, по словам Гумильи, он никогда не видел и не слышал, издававших ужасные и печальные звуки. В танцах принимало участие несколько групп танцоров, украшенных перьями, со своим набором похоронных флейт. Одна группа передвигалась тяжело, отбивая такт раскрашенными жезлами, другая – легко. Были и другие танцевальные группы. На площадь вышли 12 индейцев, украшенных большими

перьями попугаев. Они держали в правых руках длинные тростинки, покрытые разнообразными перьями. Верхние части тростинок были соединены короной, покрытой перьями. Под тяжестью этой короны тростинки сгибались и образовывали подобие купола. Гумилья описал и некоторые иные детали ритуала. Его общий вывод таков – это спектакль, достойный быть увиденным при любом дворе Европы.

Ночью и на другой день ритуал прощания продолжался, после угощения были опять танцы, которые перемежались плачами. После танца труб процессия отправилась к реке. Вслед за танцевальными группами четверо индейцев несли усыпальницу. Сначала она была брошена в воду, за ней – трубы и все прочие похоронные инструменты, после чего все умылись в реке и вернулись в свои дома. Гумилья отметил, что в конце ритуала женщины одних *капитаний* подносили мужчинам из других капитаний еду, а женщины этих – другим: жареное мясо черепахи и касабе (лепешки из маниоки). По объяснению Гумильи это делалось в знак дружбы и в благодарность за то, что мужчины хорошо танцевали.

Ясно, что Гумилья стал свидетелем не рядового ритуала. И увидел он его, по его собственным словам, случайно (с.162–167).

В следующей, четырнадцатой, главе речь шла о похоронных обрядах других народов. Странным ему показался обычай одной из групп гуараунов опускать труп в воду, чтобы его «очистили» рыбы, после чего кости складывали в корзину, а череп подвешивали под крышу жилища. Карибы считали наиболее почетным держать тело умершего в гамаке в течение 30 дней, на протяжении которых рядом с ним находились женщины, отгонявшие мух. В могилу клали с одной стороны усопшего оружие (лук, стрелы, боевую дубину и щит), а с другой – одну из его жен. Хикара (jicaras) и другие родственные им группы в знак траура раскрашивались. Вот что об этом сообщил Гумилья: жена, дети, братья и сестры умершего покрывали черной краской все тело; родственники «второй степени» кровного родства красили ноги, руки и часть лица; остальная родня – только ступни и кисти, а кроме того обрызгивали краской лицо. По мнению Гумильи, «таким образом они выражали свое чувство и указывали степень родства с умершим» (с. 170).

Пятнадцатая глава названа «Как неблагодарно не ухаживают за своими больными, как глупо лечатся и как мирно умирают те индейцы». В ней примечательны признания об ограниченных возможностях проникновения в мир «другого», так живо обсуждаемых современными этнографами. «Мы не можем ни войти, ни проникнуть внутрь их... Их характер (genio) так далек от европейских, как Америка отстоит от Европы...» И несколько ниже: «Ни один человек среднего ума не удивится тому, что я утверждаю относительно неупорядоченности характера тех людей, ввиду заметного различия характеров народов (naciones) Европы» (с. 177, 178).

После двух глав, не содержащих прямого описания индейцев Ориноко, в восемнадцатой главе дается «краткое изложение характеров и обычаев остальных народов», которые были открыты на Ориноко до 1740 г. В ней содержится поражающее своими деталями описание некоторых занятий охотников и собирателей оринокских травянистых равнин (llanos). По словам Гумильи, они всегда бродили от одной реки к другой. Пока мужчины ловили рыбу или охотились (среди объектов охоты названы олени, хищники и змеи), женщины вырывали корни. Эти корни, по словам миссионера, служили им хлебом, и все, что они найдут, было для них хорошо и вкусно.

Вот как он обрисовал переход бродячих групп с одного места на другое, в котором он, скорее всего, сам принимал участие и, возможно, не один раз. Отряд мог растянуться на целую лигу (около 4 км). Прокладывали тропу крепкие молодые люди, вооруженные луками со стрелами и копьями. Если трава ранила ноги первому, или он уставал, то отступал в сторону, чтобы прошла вся цепочка людей, и вставал позади всех. Его место занимал тот юноша, что следовал за ним. Таким образом поочередно менялись все, идущие впереди. За молодыми воинами шли женатые мужчины с оружием и малышами на плечах. За ними следовали старики, которые могли идти сами, а также слабые и старые женщины. Потом – замужние женщины, несшие

огромные корзины с посудой и другими предметами; на корзине обычно сидел один ребенок, а другой находился у груди; дети постарше шли с матерями. За ними двигались самые сильные мужчины. Каждый из них нес корзину, где находился человек, который не мог передвигаться, независимо от того, кто это был – мужчина или женщина, старик или молодой. Замыкали колонну воины и те, что переходили из его головы в конец.

Если в пути кто-либо из тех, кого несли, умирал, тот, кто его нес, отступал в сторону от тропы и с помощью двух мужчин, замыкавших вереницу «захоранивал его наполовину»; иногда умершего просто оставляли. Если в походе у женщины начинались роды, она отступала на шаг в сторону от тропы, где и рожала младенца. Завернув его в плаценту, роженица быстро догоняла остальных. В первой же реке она мыла новорожденного и мылась сама.

На привале, оставив груз на берегу реки, женщины принимались за копку корней, а мужчины расходились, образуя полумесяц, затем сходились и засыпали стрелами попавшую в этот загон добычу, в том числе и ягуаров (с. 203–205).

Несколько следующих глав посвящены описанию охоты на животных и птиц, рыбной ловли, а также охоте на черепах и сбору черепашьих яиц.

Двадцать третья глава содержит практические советы миссионеру, который впервые приходит в индейское поселение. Из нее можно узнать о церемонии встречи гостей обитателями Ориноко.

В одной из глав (двадцать четвертая) рассказано о плодородии земель и выращиваемых культурах. Здесь примечательно, что уже в первой половине XVIII в. аборигены Ориноко выращивали сахарный тростник (с. 249), экзогенную для Америки культуру. Последняя глава первой части посвящена Эльдорадо.

Первая глава второй части повествует о такой существенной проблеме для любого миссионера, как «было ли среди тех варваров какое-либо известие о боге». Гумилья считал тяжким заблуждением мнение тех, кто считал, что аборигены не были разумными. У одних народов (ачагуа) он нашел свидетельства о потопе, у других (карибы) – о боге. Гумилья привел некоторые методы убеждения индейцев в его правоте. Чтобы доказать, что солнце не бог, а только огонь, он прижег через увеличительное стекло руку одному из «капитанов» и показал другим (с. 282).

Одна из глав второй части (третья) посвящена вопросу о том «есть ли у тех народов идолопоклонство, есть ли знание о демоне и прибегают ли к его помощи или нет». Здесь интересно признание автором эффективности лечения у отомаков, включавшего 40-дневный пост, пользование травами, «высасывание» болезни (с. 292–293).

Главы четвертая и пятая содержат сведения о языках Ориноко. Отметив их многочисленность, Гумилья нашел «утешение» в том, что некоторые из них являются материнскими (matrices), зная которые можно понять другие (с. 296). Там же приведен и список соответствующих языков и некоторые их особенности.

Шестая глава – это рассуждения о происхождении первых обитателей Америки.

В главе седьмой Гумилья пытается ответить на вопрос, почему народы (naciones) Ориноко малочисленны. Одну из причин уменьшения их численности он видел в набегах карибов, другую в том, что сейчас можно было бы назвать контролем за рождаемостью (роженицы будто бы убивали девочек; смерти предавались также дети с физическим недостатками и один из близнецов). Самыми многочисленными во времена Гумильи были карибы, занимавшие часть Ориноко и расселившиеся по побережью от Наветренных островов до Кайены – они могли выставить до 12 тыс. воинов (с. 313–318).

В восьмой главе второй части рассмотрены причины войн. Гумилья отметил, что из-за земли не воевали. «Главными поводом и причиной взаимных войн» был интерес к захвату женщин и детей и почти никакого интереса к грабежу или добыче. Прежде это нужно было, чтобы повысить свой авторитет, а также обеспечить себя работницами на огородах и прислугой. После того, как на побережье закрепились голландцы, карибы стали продавать им своих пленников, которых захватывали либо

выменивали у народов, подчинившихся их силе. Карибы у голландцев выменивали пленников на топоры, мачете, ножи, иглы, тесла, бусы и пр. Они получали также ружья, порох и пули. Гумилья отметил случаи, когда голландцы раскрашивали свое тело, надевали гуаюко и пускались в поход с карибами (с. 324 –325).

Далее идет глава о нападениях карибов на оринокские миссии. С ней тематически связана глава о военных вождях (jefes militares) и церемониях возведения в ранг капитана. Начал ее Гумилья с описания того, как мальчики делали себе оружие: гнули луки, заостряли стрелы, раскрашивали дубины, плели щиты, изготовляли копья. Под присмотром взрослых они устраивали бои. Некоторые из молодых людей в совершенстве владели тем или иным видом оружия еще до участия в боевых действиях. Особенно Гумилью восхищало умение отражать стрелу с помощью лука.

Чтобы претендовать на звание «капитана», надо было убить врага в походе. Те, кто это делал, сплетал из пальмовых листьев «статую» (термин Гумильи), которая подвешивалась в хижине (сколько убитых, столько могло быть фигур). Чтобы стать «капитаном», следовало пройти испытания, проводившиеся в несколько этапов, включавших хлестание плетью, муравьиные укусы и испытание жаром (в последнем случае возможен был смертельный исход). Для успешного прохождения испытаний нельзя было не только выказывать признаков страдания, но даже пошевелиться. Гумилья отметил, что не все народы Ориноко придерживались этого обряда (среди них ачагуа и салива).

Отдельная глава посвящена оружию. В ней описаны также лодки и барабаны. В других главах рассказывается о приготовлении кураре (его подробное изложение сделано, по признанию Гумильи, со слов прочих людей) и других ядов. Есть главы о ядовитых насекомых, змеях и рыбах, а также о крокодилах и способах их лова. По словам Гумильи, с недавних пор распространилась молва о том, что клыки крокодилов оберегают от отравления ядом. Слух пошел из Каракаса, где их оправляли в золото и серебро и носили на цепочке на руке или в кольце. Поэтому индейцы Ориноко стали продавать эти зубы (с. 426).

В двух главах речь шла о земледелии. Попав впервые к «лесным язычникам» (gentiles silvestres), Гумилья поинтересовался, сколько времени уходит на рубку одного дерева (ответ был: «две луны») и как они делают свои каменные топоры («с помощью других камней и воды»). Гумилья повторил еще раз, что отомаки, жившие около лагун, на освобождавшихся из-под воды землях собирали обильный урожай. Они и некоторые другие народы возделывали маис, который созревал в течение двух месяцев, что позволяло получать шесть урожаев в год (с. 429–430). Гумилья отметил важную роль, которую стали играть в Америке в целом бананы – импортированная европейцами культура; бананы – «спасение всякого бедняка, служат хлебом, овощами, питьем, консервами и всем (de todo)» – писал он (с. 436). Здесь же он сообщал некоторые способы приготовления пищи и хмельных напитков из маиса и маниоки.

Особая глава (21) посвящена культивируемым деревьям. Отдельно описана охота на открытых пространствах, где добычей становились птицы, броненосцы, игуаны, черепахи, муравьеды и пр., а также летающие муравьи, тело которых было богато жиром.

В одной из глав подробно описан переполох, вызванный затмением луны, который миссионер наблюдал среди разных групп индейцев. Они считали, что луна умирает и что нужно спрятать огонь, чтобы он не умер вместе с ней. Гумилья сообщил, что он объяснил причину затмения старейшинам (principales) с помощью свечи, зеркала и апельсина, а те в течение длительного времени рассказывали о нем остальным. Некоторые индейцы полагали, что луне угрожают враги, и она намеревается уйти в другие места и т.д. Индейцы Ориноко вели счет годам по Плеядам. Новый год у них начинался в тот вечер, когда после захода солнца на востоке поднимались эти звезды. Месяцы считали по лунам. Дни при необходимости обозначали узлами на шнурах (с. 457–463).

В 24-й главе представлены некоторые брачные и семейные нормы. Миссионера

особенно беспокоила полигамия, свойственная некоторым слоям индейского общества, и ей он отвел несколько страниц. В последних главах Гумилья сравнивает жизнь индейцев-язычников и индейцев-христиан (глава 25) и опровергает причины уменьшения численности аборигенов. Эти причины были вызваны испанцами, как утверждали их противники: смертность в войнах, личное услужение, болезни, принесенные конкистадорами, налоги и подати (глава 26). В последней, 27-й главе повествуется о «настоящей причине уменьшения американцев» (так иногда Гумилья называл аборигенов), где он повторил, что главными причинами ее являлись стерильность (esterilaidad voluntaria), по его выражению, и бегство от карибов в другие провинции (с. 490).

В самом конце книги Гумилья давал несколько практических советов миссионерам, собиравшимся проповедовать среди индейцев, и делился своим опытом.

* * *

Представления Гумильи об «индейцах вообще», хотя и характеризуют состояние умов части интеллигенции Испании и Испанской Америки середины XVIII в., мало что добавляют к тому образу аборигенов, что сложился еще в XVI в. Наиболее ценное в книге Гумильи – это его сообщения о конкретных явлениях жизни аборигенов, свидетелем которых он был, иногда с указанием различий между тем или иным народом. Им представлены различные явления у разных народов, что говорит либо о том, что Гумилья видел лишь части жизненного цикла у названных им народов, либо не ставил целью показать его целиком у одного народа. Признание Гумильи о том, что он случайно увидел обряд похорон индейского вождя, свидетельствует о том, что даже миссионеры, подолгу находившиеся среди индейцев, при сборе информации зависели от случая. Очевидно также, что миссионер не всегда мог разобраться в значении отдельных деталей виденного им, особенно в сферах духовной и ритуальной жизни.

Основное отличие книги Гумилья от собственно этнографической работы заключается скорее всего в том, что он не собирал материал по заранее разработанному плану, и его накопление было во многом случайным, хотя по тексту видно, что автор иногда расспрашивал о тех или иных заинтересовавших его явлениях. Поэтому могли остаться неизвестными многие детали, в частности, касающиеся ношения перьевых украшений. Как отмечено выше, Гумилья утверждал, что индейцы носили плюмажи не только во время празднеств, но и когда работали на огородах или отправлялись в плавание. При этом ему было смешно видеть индейца с богатым париком на голове, играющим в мяч или потеющим за веслом или с мотыгой в руках (с. 118). Из описаний разных народов Америки известно, что перьевые украшения часто служили для подчеркивания социального статуса. Можно предположить, что аборигены Ориноко (по-видимому, не всякие, а только вожди, но Гумилья об этом не говорил) не снимали этих знаков отличия в любых обстоятельствах.

Очевидно, что к середине XVIII в. коренные обитатели Америки в той или иной мере испытывали воздействие европейской культуры. Об этом говорят и упоминания о значимости в их жизни таких растений Старого Света, как сахарный тростник и бананы, и интенсивная торговля с голландцами, через которых до них доходили многие европейские предметы, в том числе оружие, вносившее заметные коррективы в традиционное соотношение сил на Ориноко. Сами миссионеры своим активным вторжением в жизнь аборигенов, направленным главным образом на изменение их верований, оказывали влияние на их мировоззрение. Здесь обращает на себя внимание, что в отличие от некоторых известных авторов (уже упоминавшийся Пане, а также еще более знаменитый Б. Саагун), Гумилья, судя по всему, не стремился подробно вникать в религиозные представления обитателей Ориноко. Это явствует даже из того, что о них в книге содержится заметно меньше сведений, чем о хозяйстве или некоторых сторонах быта или деталях ритуала индейцев.

Однако то, что Гумилья привел в своей книге, очень существенно для понимания

разнообразных сторон бытия аборигенов бассейна Нижнего и Среднего Ориноко первой половины XVIII в. Сквозь некий генерализированный взгляд Гумильи на обитателей Ориноко в его описании проглядывает заметное разнообразие культуры – не только предметов, занятий, ритуалов, но и моделей поведения разных групп индейцев Ориноко.

Примечания

[1] *Deagan K.A.* Spanish St. Augustin. The archaeology of a colonial creol community. N.Y. et al. 1983.

[2] *Кинжалов Р.В.* Культура древних майя. Л., 1971. С. 67.

[3] *Александренков Э.Г.*Ранние испанские источники для этнографического изучения аборигенов Америки // Развитие цивилизации и Новый Свет: Первые Кнорозовские чтения. М., 1999.

[4] Опубликовано в: *Colon F.* Historia del Almirante de las Indias don Cristoval Colon. Buenos Aires, 1944.

[5] Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки. М., 1966.

[6] *Las Casas B. de.* Historia de las Indias. Vol. 1–3. México; Buenos Aires, 1951. Lib. II. Cap. 58; Idem. Apologetica historia sumaria. Vol. 1–2. México; 1967.

[7] *Idem.* Apologetica... Vol. 2. P. 629–630.

[8] *Palerm A.* Historia de la etnologia: Los precursores. Mexico, 1974. P. 96.

[9] *Дюше М.* Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху просвещения. Основы антропологии у философов // Мир просвещения. М., 1970. С. 253.

[10] *Ramos D.* El etnografo Gumilla y su grupo de historiadores. Nuevos datos sobre las obras misionales de estos al mediar el siglo XIII // Miscelania Paul. Rivet octogenario dicata. Vol. 2. Mexico, 1958. P. 857–870; *Idem*. Gumilla y la publicacion de El Orinoco Ilustrado // *Gumilla J.* Orinoco ilustrado y defendido. Caracas, 1963. P. XXVII–CCXXVI; *Idem*. Un plan de inmigracion y libre comercio defendido por Gumilla para Guayana en 1739 // *Ramos Perez D.* Estudios de Historia venezolana. Caracas, 1976. P. 483–506; *Idem*. Los modos de vida del ambito orinoques y e l jesuita valenciano Padre Gumilla // Ibid. P. 557–569; *Idem*. Las ideas geograficas del padre Gumilla // Ibid. P. 571-595; etc.

[11] *Arboleda J.R* . El padre Gumilla y su obra // *Gumilla J.* El Orinoco ilustrado. Vol. 1. Bogota', 1944; *Nucete-Sardi N* . Comentario preliminar // *Gumilla J.* Orinoco ilustrado y defendido. Caracas, 1963. P. VII–XXV.

[12] *Ramos D* . El etnografo Gumilla... P. 857–858; *Idem.* Gumilla y la publicacion. P. XCIII–CVII.

[13] *Gumilla J* . Orinoco ilustrado y defendido. Caracas, 1963. P.34, 35.

E.G. A l e x a n d r e n k o v. «Orinoco Ilustrado» by J. Gumilla as an Ethnographic Source

The article is focused on the description of the population in the estuary of the river Orinoko, left by a Jesuit missionary of the XVIIIth cc. J. Gumilla, who had visited the region of the middle and lower Orinoko twice and described some customs and mores of the local Indian population in great detail.

© 2002 г., ЭО, № 6

Т.А. О н у ч и н а

КАЛЕНДАРНЫЕ МОТИВЫ В ХОЛМОГОРСКОМ ОБРЯДОВОМ ПЕЧЕНЬЕ

В работах исследователей XVIII–XX вв. особое внимание было обращено на обрядовое печенье, которое изготовлялось к определенным датам земледельческого года[1]. Лепные и витые фигуры выстраиваются в своеобразный «хлебный месяцеслов». Среди них в числе сложных и потому наиболее интересных является выпечка (к лепным фигуркам из теста многими исследователями применяется название «печенье-"скульптура"», в частности Н. Шкаровской), бытовавшая на Севере еще в начале XX в., и известная в этнографической литературе как «холмогорская козуля»[2]. Для